

Пролог

Они играли на сцене одну из самых красивых легенд XX века о торжествующей любви. Трагедия — уже XXI века — на Дубровке развела их по разные стороны от линии фронта. Но так и не смогла разьединить

23 октября она не была занята в спектакле. Вечером звонок Сергея Качева, режиссера, в двух фильмах которого снималась. И странный вопрос: «Где ты?». Потом: «Норд-Ост»... «Норд-Ост»... «Норд-Ост»... Как: SOS... SOS... SOS... — «Что с «Норд-Остом?» — «Беда». Она включила телевизор и...

Вскоре она была на улице Мельникова.

А он в это время уже был заложником террористов, захвативших Театральный центр на Дубровке. Потом, после штурма, она встретила его на пороге больницы. Позже с телеэкрана сказала: «У нас есть финальная сцена, когда герои встречаются на Крайнем Севере после нескольких лет разлуки, войны. То, что мы играли раньше, — детский лепет на лужайке. Теперь я знаю, как это надо играть».

Она и он — исполнители ролей Кати Татариновой и Сани Григорьева в мюзикле «Норд-Ост».

Мои собеседники — Екатерина Гусева и Андрей БОГДАНОВ.

После Дубровки прошло ровно два месяца.

Глава 1. Дорога в «Норд-Ост»

— Давайте знакомиться. Если все мы — из своего детства, то из какого детства вы, сегодняшние Катя и Саня?

Катя ГУСЕВА: Я — из обыкновенного московского детства. С детсадом. С пионерлагерями каждое лето. Когда в День траура мы возлагали цветы к «Норд-Осту», ко мне подошел мужчина с сыном и женой. Знаю точно, где-то его видела. Но где? Он говорит: «Я же Годунов». И я узнала своего вожакого в пионерлагере. Он, оказывается, стоял трое суток возле ДК на Дубровке и вот теперь пришел с цветами всей семьей.

Совсем маленькой занималась в школе олимпийского резерва, где готовили будущих гимнасток сборной СССР. Но лишь до первых открытых соревнований. Когда бабушка увидела, что вытворяет се четырехлетняя внучка на бревне, на брусьях, на батуте, она ужаснулась и встала в позу: «Возить тебя не буду». А возить меня на тренировки больше было некому. Папа и мама работали. Так кончился мой большой спорт. Хотя позже я довольно профессионально занималась и фигурным катанием, и плаванием в «Олимпийском».

В старших классах играла в школьном театре «Набат». Им руководила учитель истории, директор школы Элеонора Юрьевна Бараль. На последнем звонке мы устроили «капустник», и у меня была целая феерия перевоплощений и спецных переодеваний между номерами. В конце ко мне подошла Галина Петровна, ассистент Евгения Симонова, — она присутствовала на нашем «звонке»: «Девочка, Евгений Рубенич набирает сейчас курс в Шувкинском училище. Не хотите попробовать?». (Это был самый последний его курс).

Закотела — скорее для эксперимента.

В училище все экзамены слала на пять. И споткнувшись на коллениуме. Стыдно признаться, но я позорно не знала историю легендарной вахтанговской «Принцессы Турандот! Думала — все, конец. Но надо мной сжалились и поставили четверку. Первое, что сделала в тот же вечер, — пошла на «Принцессу». Потом, уже на третьем курсе, сама играла в массовках в этом спектакле.

После диплома — главная роль в первом фильме Николая Лебедева «Земный источник» и смотрини в театрах. Брала в один большой, уважаемый мной московский театр. Но честно предупредили: на каждую женскую роль у них по три-четыре состава, и поначалу нужно посидеть, пождать, поучиться, глядя на работу старших товарищей.

Следующий показ был в Театре Марка Розовского «У Никитских ворот». Беседа с Марком Григорьевичем решила все. Учиться, работая с таким режиссером, — куда интереснее, чем учиться вприглядку. Сыграла у него няньку Варьку из рассказа «Спать хочется» в спектакле «Доктор Чехов», главную роль в «Белой Лизе», Ольгу Ильинскую, Сонечку Мармеладову. Начала репетировать Аню в «Вишневом саде». И тут — «Норд-Ост».

Андрей БОГДАНОВ: Я безотцовщина, у меня одна мама и старшая сестра Оля. Родился в Белоруссии, в городе Глуске Могилевской области, жил потом в тверских краях, в Торопце, который и считаю родным. Учился в школе нормально, а в музыкальной — на «отлично». Мой педагог Татьяна Евгеньевна Бусыгина

посоветовала поступать в Тверское музучилище. На вокальное отделение, о котором мечтал, не взяли: 14 лет, как раз мутация голоса. Поступил на фортепианное. После второго курса решил переводиться на вокал. Но мне сказали: одно дело руки, другое — голос, поступайте заново.

Был молодой, горячий. Забрал документы и уехал домой, в Торопец. Работал во Дворце культуры методистом агиткультбригад, разбазжавших по деревням. Дальше — армия, войска связи. Муром, потом Ленинградская область. Вернувшись, все-таки поступил в Твери на вокал. Как-то к нам на гастроли приехал театр «Геликон». Его руководитель Дима Бертман, прослушав меня, посоветовал поступать на курс ГИТИСа, который набирал его педагог.

Параллельно, начиная со второго курса, пел в детском музыкальном театре «Экспромт». Потом пригласили в театр Чихачева.

А дальше — «Норд-Ост»...

Глава 2. Найти...

— Фазиль Искандер назвал «Двух капитанов» Каверина «Тремя мужиктерами» наших дней. Согласны?

Андрей: Наверное, Фазиль Искандер прав. Но знаете, когда я впервые прочел роман Каверина? Когда пришел в «Норд-Ост». Шести-серийный фильм «Два капитана», правда, видел раньше. Запомнил Богатырева в роли Ромашки. Читал первый раз чисто «профессиональное», сосредоточиваясь на том, что работает на роль. Как учили: не перескажи сам по себе, но вы в предлагаемых обстоятельствах. А в свое удовольствие «Двух капитанов» прочел уже совсем недавно. Сейчас семья по очереди читает. И все дают советы.

Катя: С Искандером согласна, но только отчасти. Впервые оба романа прочла в детстве. Когда начала работать над ролью Кати, в «Двух капитанах» чуть ли не на каждой странице появились мои закладки. Даже переписывала — этому нас еще в училище учили — в тетрадку, что и как о моей героине говорят другие персонажи книги. Какие платья она носила, как закрывала волосы — все было важно, любая мелочь. Я ташила за собой из книги на сцену целый шлейф событий, которых не было в либретто.

При этом в самом романе принимаю не все. Мне, например, претит жестокость финала. Зачем добивать старого, больного человека с палочкой, когда сама судьба его уже наказала?

— Жестокость справедливости вас коробит?

Катя: Да.

Андрей: А меня не коробит. Справедливости так не хватает нашему времени!

— Естественно, создатели «Норд-Оста» выбирали вас не только по вокальным и артистическим данным, но и по своим представлениям о каверинских героях. Ну а изменило ли что-либо в вас самих «оживание» в образы Кати и Сани, в вашем понимании возможности или невозможности таких идеальных ориентиров в жизни?

Андрей: Когда мне дали прослушать версию мюзикла и спросили «Ну как?», я сразу сказал: «Это мое. Готов играть любую роль». Правда, не ожидал, что во мне увидят Саню Григорьева. Что-то стержневое во мне эта роль, наверное, изменила. Вернее, сконцентрировала и четко выразила то, что во мне присутствовало, но в рассеянном, неярком виде. У нас с Саней Григорьевым все-таки есть нечто общее. Не все. Но что-то есть.

— Кто ваши «близнецы» — другие исполнители ролей Кати и Сани? Катя: Нас с Викой Соловьевой и Машей Шпортовой трое.

Андрей: А «старший» Саня — я и Максим Новиков. Сейчас он работает в мюзикле «Чикаго», на замену Кирикову. Говорю «старший», потому что наши герои представлены тремя возрастными. Больше всего «близнецов» у самых маленьких. Там вообще им не надо петь. Но и даже на роли «немых» мальчиков строго отбирали очень талантливых ребят, в том числе и по вокальным данным. А будущее...

Катя: А Катя и Саня в отрочестве — Кристина Курбатова и Арсений Куриленко — погибли после штурма.

Андрей: Кристина часто подбегала ко мне после того, как сыграет

— Кто ваши «близнецы» — другие исполнители ролей Кати и Сани?

Катя: Нас с Викой Соловьевой и Машей Шпортовой трое.

Андрей: А «старший» Саня — я и Максим Новиков. Сейчас он работает в мюзикле «Чикаго», на замену Кирикову. Говорю «старший», потому что наши герои представлены тремя возрастными. Больше всего «близнецов» у самых маленьких. Там вообще им не надо петь. Но и даже на роли «немых» мальчиков строго отбирали очень талантливых ребят, в том числе и по вокальным данным. А будущее...

Катя: А Катя и Саня в отрочестве — Кристина Курбатова и Арсений Куриленко — погибли после штурма.

Андрей: Кристина часто подбегала ко мне после того, как сыграет

История каверинских Кати и Сани наших дней с прологом и эпилогом, рассказанная ими самими в диалоге с корреспондентом «Новой газеты»

ВСТРЕТИТЬСЯ У ДВУХ КАПИТАНОВ

На полосу. Андрей, Катя и Василий с Ивашенко

зато у нас — школа переживания, традиции русского психологического театра, где великие мастера не пытались докричаться до зала, а заставляли зал прислушиваться к себе. Ну как, например, возможно сыграть сцену в блокадном Ленинграде на голом профессионализме, без полной душевной самоотдачи — до предела, до изнеможения, так, чтобы до 1200 человек дошло: несмотря ни на что, любовь жива, любовь спасет, надо только верить и надеяться?

Андрей: А дети в мюзикле — особые разговор. Играя на сцене очень весело, раскованно, они продолжают играть в свои детские игры. Как в жизни. И поэтому нам, взрослым, никогда их не переиграть.

Катя: Когда Театральный центр захватили террористы, детей педагог все никак не могли утихомирить. Они как бы продолжали играть. Воспринимая все случившееся если не как «Зарницу», то уж, во всяком случае, как некий кинобесик.

— Маленькая девочка, освобожденная еще до штурма, сказала: «Было страшно, но нескучно».

Катя: Даже когда прошли у нас похороны, для детей все это оставалось пока каким-то приключением. Может, позже до них дойдет. А может, и нет.

«Ну как? Получилось?». Это потому, что я ей всякие советы давал. Очень толковая и веселая была девочка. А Арсения только что ввели на роль.

Катя: И он тоже замечательный, обаятельный был мальчишка. Буквально накануне я подошла к нему, похвалила. И он, по-моему, обрадовался.

Глава 3. ...И не сдаваться

— Один из участников «Норд-Оста», чтобы поддержать скляную радость с ним в зале заложнику, напел ей арию Кати. И это помогло лучше всякого психотерапевта. Ну а вы, вспоминали ли вы в те дни и ночи о «Двух капитанах» и «Норд-Осте»? Или тогда было не до книг и песен?

Катя: Может, где-то в подсознании и «Два капитана», и «Норд-Ост» были. Но ни о чем другом, кроме наших (а нашими стали все, кто находился в зале), мы тогда не думали. Мне казалось: спасти их может только чудо. И в душе я молилась о чуде.

Стало страшно, когда 26-го часа в четыре вернулась домой и в шесть или в семь сквозь полусон увидела на телеэкране, как из здания выносятся трупы. Мы ведь в ту минуту ничего не знали об усыпляющем газе.

Катя и Саня в отрочестве. Кристина Курбатова и Арсений Куриленко погибли после штурма

до слез, когда первым пришел Марат. Он не был в больнице — попал в ФСБ; и лицо восточное, и в военной форме. Хотя можно было бы сразу разобраться, что у террориста не могло быть формы летчика времен Отечественной войны. Потом, правда, все разъяснилось. Что он артист, что у него на костюме налпись «Марат Абдрахимов», а на ботинках — набойки для степа.

И вот представьте. Мы сидим здесь, в своей штаб-квартире, обзавинаем мюзиклы. У нас же было очень много пропавших без вести. И информации почти никакой. Тогда стали обещать больным и морги на машинах. Вдруг сообщают, что с Кристиной такое...

Приходит следующий освобожденный, а мы не знаем, говорить ему или нет, в каком он состоянии. Вель сколько людей пережили клиническую смерть.

Андрей: Вот вы вспомнили, как Марат пел соседке по залу арию Кати. Так это не один Марат. Сидевшая рядом со мной девушка сказала: «А я теперь никогда уже не досмотрю «Норд-Ост» до конца». И я ей пересказывал, что будет дальше, с того момента, когда террористы превратили спектакль.

— Надежды на спасение? Андрей: Надежда умирает последней... Мы понимали: если будет штурм, взрыв неизбежен. А это — огромные жертвы.

— Был еще вариант. Освобожденные всех в результате переговоров.

Андрей: Был. Но, зная жесткие, даже жестокие реалии нашей жизни, на него надежды было мало. Вообще, сила в зале, мы перебирали разные способы освобождения, и все они представлялись неосуществимыми или кровавыми. Вы не поверите, но в наших разговорах возник и такой вариант: вот был бы у нас газ, чтобы пустить, и все, как под наркозом, уснули. Но эта мысль промелькнула и тут же забылась. Как нереальная. Что бросок «Альф» для заложников прошел бескровно — я даже не знаю, как это называть. Фантастика. Другое дело, что случилось потом...

Поддерживали друг друга по-разному. Васильев, которому террористы разрешили со сцены обратиться к залу, успокаивая всех, говорил, будто его звалина какая-то ясновидящая и сказала: все для нас кончилось хорошо. Но, возможно, он недалек был

от истины. Между нами и теми, кто мок под дождем рядом с ДК, существовала, если хотите, какая-то теплая связь. Мы знали — для этого не требовалось никаких материальных доказательств, — что все наши рядом.

Впрочем, появилось и доказательство. У террористов работал поративный телевизор. Экрана мы не видели, но звук до нас доносился. И вот вдруг слышим: наша, норд-остовская песня.

Если бы мы сказали: сиди в этом зале месяц, год, тогда все останутся живы, я бы сидел. К сожалению, единственное, что я мог сделать для них, когда они еще были на этом свете, — вести себя, как и они в большинстве своем. Там, в зале, мы были равны перел смертью и жизнью.

Катя: Их нет, а я осталась жить. Почему я, а не они? Меня все время мучит этот вопрос, и у меня на него нет ответа.

Все мы вышли из этого кошмара с ощущением, как важно быть внимательными, добрыми к людям рядом. Сегодня обидел человека, поругался из-за пустяка. А завтра случится такое — и все. Уже не возьмешь свои слова обратно, не помиришься. Ничего не поправишь. Остается невозвращенный долг. Навсегда.

— Террористы, наноси удар по нашему мюзиклу, не думали о его содержании.

Катя: Полагаете, не думали? Но почему тогда не выбрали объект поближе к Кремлю? Охрана залов (кроме «самых-самых») до 23 октября была ведь в общем-то одинаковая.

Они смотрели наш спектакль по несколько раз. Знали, что в нем играют дети, знали реплики исполнителей. Подходили к Андрею и спрашивали: «Ну где же твоя Катя?». На что он отвечал: «Ей повезло больше, чем мы». Они дразнили Марата: «Эй, шайтан». У него такая реплика во второй акте, уже после того, как действие было прервано.

Нет, они и те, кто их послал, ведали, что творили. И точно рассчитали, по какой именно цели наносит удар.

— Что «Норд-Осту» быть — вне сомнения. Но — на этой ли, окровавленной злом сцене?

Андрей: Знаете, когда мы вышли на сцену концертного зала «Россия» (там в начале ноября состоялся

наши концерты) и весь зал встал, две с половиной тысячи, очень трудно было начинать. Пели через комок в горле. Слово мы продолжаем в том, нашем зале. Но ведь даже если все там переделают, перекрасят, все равно это тот зал, где погибли люди.

С другой стороны — и здесь есть доля протеста против произошедшего — может быть, те, кто погибли, хотели бы, чтобы мы продолжили именно здесь. В их память.

Катя: Не нам решать, играть на той же самой сцене или нет. Это решать влонам музыкантов, родителям детей, которые там погибли. А вот возродить «Норд-Ост» нам надо непременно. Потому что распотанно что, того дорого нашим людям. Возрадить вопреки всем тем, что сначала кричали: «Поможем, поможем», а сейчас попрыгали в кусты.

— Последний вопрос. Личный. Знаю, что вы, Андрей, женаты, а Катя — замужем. Кто ваши жена и муж, дети?

Андрей: Жена Марианна. Актриса, работает в тех же музыкальных театрах, что и я до «Норд-Оста». Дочка Катя.

Катя: Сын Алеша, муж Володя.

— Кто он по специальности? Катя: Волшебник.

Глава 4. Что такое счастье, каждый понимал по-своему

Третий век в разных вариантах бродит по миру анкета-исповедь, на которую отвечали Карл Маркс, Николай Герцх, Владимир Высоцкий. Сегодня на некоторые ее вопросы отвечают Екатерина Гусева и Андрей Богданов.

— Трудно быть человеком в наши дни, в нашей стране и вообще — в нашем мире?

Катя: Мне кажется, нетрудно. Если ты честен перед собой, в любых условиях можно остаться человеком.

Андрей: Трудно. Но если есть желание и воля стать человеком — станешь!

— Что вы больше всего цените: в мужчине, в женщине, в человеке?

Катя: В мужчине — честность, за давность слова, силу. В женщине — мудрость, терпимость. В человеке — чтобы он понимал, что помимо инстинктов в нем есть разум и этим он отличается от животного,

а не только тем, что у него нет хвоста и шерсти.

Андрей: Давайте ответу, как Маркс: в мужчине — силу, в женщине — слабость, а в человеке — все человеческое.

— Какую человеческую слабость склонны скорее всего извинить?

Катя: Готова слабостью оправдать любую слабость.

Андрей: Извиняю все, кроме предательства.

— Какой недостаток или поступок не простите никогда и никому?

Катя: Нет такого. Бог прощал и нам велел прощать.

Андрей: Мой ответ — в ответе на предыдущий вопрос.

— Люди, к которым вы можете отнести германовское: «дорогой мой человек»?

Катя: Я не знаю, как ответить. Выделить кого-то одного, забыв про маму или про сына? Или про человека, который в какой-то степени заменил мне и маму, и папу? Напишете: Володя — и все.

Андрей: Моя мама прежде всего. Моя дочь, моя семья. Мои учителя.

— Самая замечательная историческая личность?

Катя: Однозначно замечательных не бывает. Иисус, может быть. Хотя неизвестно, историческая ли это личность. Мне кажется, историческая.

Андрей: Если сегодня — не знаю. Если в прошлые века — я с ними лично не знаком.

— Историческая личность, вызывающая у вас наибольшее отвращение?

Катя: Гитлер. Андрей: Гитлер. — Ваши любимые цвет и цветы? Катя: Белый. Лилии. Андрей: Черный. Подснежники. — Событие, радостное или трагическое, которое запомнится на всю жизнь?

Катя: Наверное, 23—26 октября 2002 года.

Андрей: Радостное — рождение моей дочери Кати. Трагическое — мне запомнится на всю жизнь, как я сидел в заложниках и думал, что никогда больше ее не увижу и не поцелую.

Эпилог

22 июля 1995 года в Пскове рядом с древним храмом Анастасии Римлянки, у входа в детскую областную библиотеку имени Каверина, открывали памятник его Двум капитанам. Сразу после открытия на горло обрушился сильный грозовой ливень. Уезжая из Пскова, я записал в личном дневнике:

...Сойдешь мы все-таки вместе
У наших святых.
И тогда
Над храмами древних
премудростей
Полярная вспыхнет
звезда.

И мы среди враждующих
станов
Уверюем в эту звезду,
В свиданье у Двух
капитанов
В две тысячи первом году.

«2001» было в тот момент просто цифровым обозначением маячившего в шестилетнем отдалении начала нового века. Никто ведь в мире, и я в том числе, не ведал тогда, что 11 сентября 2001 года террористы нанесут удар по Вашингтону и Нью-Йорку. Что 19 октября 2001 года, в Пушкинский День Лицея, отправится в дальнее плавание «Норд-Ост». А год и четыре дня спустя...

К жертвам трагедии на Дубровке надо прибавить еще одно имя. В те дни умерла Алла Алексеевна Михеева, долгие годы бывшая директором Псковской детской областной библиотеки имени Каверина. Замечательный человек. Инициатор рождения памятника героям «Двух капитанов» и Музея этой книги.

Она узнала о захвате заложников. И никогда уже не узнает об их освобождении.

...И все-таки мы еще обязательно встретимся. Встретимся у Двух капитанов.